

Сахарова Ирина Васильевна

ЛИЗИНГ ИЛИ ФИНАНСОВАЯ АРЕНДА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТЕРМИНОЛОГИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются употребляемые в российском, зарубежном и международном законодательстве термины "лизинг" и "финансовая аренда" в контексте специфики лизинговых отношений и ее правового урегулирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2008/1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). С. 65-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2008/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Шевырев, С. П. Изящные искусства в XVI веке / С. П. Шевырев // Ученые записки императорского Московского университета. – 1833. – № 4. – С. 77–133.

Шевырев, С. П. Общий взгляд на историю искусств и поэзии в особенности / С. П. Шевырев // Московский городской листок. – 1847. – № 3 (начало лекции); № 4 (окончание лекции).

ЛИЗИНГ ИЛИ ФИНАНСОВАЯ АРЕНДА:
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТЕРМИНОЛОГИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сахарова И. В.

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Статья рекомендована к публикации
к. ю. н., доц. Галовым В. В. и к. ю. н. Антоновой Н. А.

В статье рассматриваются употребляемые в российском, зарубежном и международном законодательстве термины «лизинг» и «финансовая аренда» в контексте специфики лизинговых отношений и ее правового регулирования.

Термин «лизинг» (“leasing”, от английского “lease” – аренда, сдача внаем, наем; сдавать или брать внаем, в аренду [Мюллер 2001: 414]) был заимствован вместе с рецепцией новых для российской экономики общественных отношений, которые он обозначает, и соответственно не имел адекватного аналога в русском языке.

В специализированных англо-русских словарях слово “leasing” переводится по-разному. Так, в англо-русском экономическом словаре дается следующий перевод: «лизинг, долгосрочная аренда (машин и оборудования); выдача оборудования напрокат» [Аникин 1981: 381]. Англо-русский юридический словарь содержит более краткий перевод: «лизинг, долгосрочная аренда оборудования» [Андрианов 2003: 264]. А в толковом юридическом словаре: право и бизнес (русско-английском, англо-русском) вместе с переводом термина “leasing” («долгосрочная аренда машин, оборудования, транспортных средств и сооружений производственного назначения») предпринята попытка раскрыть также некоторые признаки, характерные для договора лизинга [Баскакова 2000: 241–242]. Как можно увидеть, приведенные переводы либо непосредственно отсылают к заимствованному русским языком термину «лизинг», либо оперируют описательными конструкциями, которые являются не совсем точными, т.к. не отражают в полной мере специфики лизинга. В частности, лизинговые отношения в отличие от арендных предполагают специальное приобретение имущества в собственность одним лицом по просьбе другого лица в целях предоставления его последнему во временное владение и пользование. Представляется, что любой описательный перевод будет либо очень условным (применимым не только к лизинговым, но и к иным отношениям), либо слишком громоздким (при попытке охватить все или большинство особенностей лизинга).

Отметим, что в американской юридической литературе и нормативно-правовых актах для определения лизинговых отношений в основном используется термин “finance lease”, который буквально переводится с английского как «финансовая аренда». Однако, термин “leasing” употребляется в деловом английском языке применительно к лизинговым отношениям как американскими, так и другими западными практиками. Именно последний термин получил распространение на международном уровне и, в частности, был закреплен в Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. (Convention on International Financial Leasing). Термин “leasing” стал употребляться во многих странах (самостоятельно или как синоним уже существующих национальных терминов) и, зачастую, для обозначения схожих, но не совсем одинаковых общественных отношений, что определялось особенностями лизинговых отношений и спецификой их правового регулирования в той или иной стране. Так, возможность изменить содержание лизинговых правоотношений путем заключения различных договоров (помимо договора лизинга) ведет к появлению сильно отличающихся друг от друга правоотношений, не переставших, тем не менее, быть лизинговыми. С другой стороны, развитие экономического оборота диктует возможность возникновения общественных отношений, которые имеют много сходства с лизинговыми, но не могут быть квалифицированы как лизинговые правоотношения с точки зрения законодательства той или иной страны. Заимствованный русским языком термин «лизинг» также несет смысловую нагрузку, несколько отличную от этимологической.

Д. Лелецкий, например, критикует использование в Федеральном законе от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон о лизинге) термина «лизинг» и образованных от него терминов «лизингодатель», «лизингополучатель», «предмет лизинга», «лизинговые платежи», поскольку их значение «ранее строго не определялось ни в российской, ни в зарубежных системах права», а «неадекватная трактовка этих новых терминов в Законе привела к искажению ранее сложившихся ... представлений о правовых и организационно-экономических основах финансовой аренды», в результате чего возникли противоречия между § 6 гл. 34 Гражданского кодекса РФ и Законом о лизинге. Д. Лелецкий предлагает заме-

нить в Законе о лизинге термины, образованные от слова «лизинг», на термины, определенные ранее в гл. 34 ГК РФ, что, по мнению автора, позволит формализовать «адекватное ГК РФ представление о финансовой аренде (лизинге) как об арендных отношениях, опосредованных иными отношениями участников инвестиционного процесса». Но в то же время названный автор отмечает, что новые термины можно было бы указывать как синонимы в скобках, аналогично тому, как термин «лизинг» указан в названии Закона о лизинге [Лелецкий 2003]. Как представляется, то обстоятельство, что те или иные термины не определялись ранее в российском праве или в праве зарубежных стран никак не может служить препятствием для их применения. Что касается названных автором противоречий между нормативными актами, то они являются следствием использования не столько разных терминов, сколько разных понятий. По нашему мнению, признание законом лизинговых отношений видом арендных отношений совсем не означает невозможности применения термина «лизинг» и образованных от него терминов. Последнее же дополнение автора (о возможности указывать новые термины в скобках как синонимы «старым»), на наш взгляд, в значительной степени нивелирует приведенные автором аргументы.

Термин «финансовая аренда», употребляемый в ГК РФ как синоним термина «лизинг» также нередко подвергается критике в литературе. При этом исследователи приводят следующие аргументы в пользу нецелесообразности использования термина «финансовая аренда». Непонятно, относится ли в словосочетании «финансовая аренда (лизинг)» слово «лизинг» к словосочетанию «финансовая аренда» или только к слову «аренда» [Газман 2000: 94]. Термин «финансовая аренда» «узаконил совершенно неуместное в любом смысле словосочетание «аренда финансов» и «прикрыл» инвестиционное содержание лизинга» [Тавасиев, Коршунов 2005: 86]. Термин «финансовая аренда» вызывает необходимость именовать договор как «оперативная финансовая аренда» или «финансовая финансовая аренда» [Харитоновна 2002: 161]. Применение термина «финансовая аренда» приведет к тому, что «лизинг перестанут рассматривать в качестве вида инвестиционной деятельности» [Криницкий 2001: 17 (Автор приводит мнение В. Шевченко)]. Термин «финансовая аренда» не отражает специфики лизинговых отношений [Санисалова 2005: 26]. Считаем совершенно очевидным, что термин «лизинг» употребляется в ГК РФ и в других законах как равнозначный термину «финансовая аренда» (что, в частности, прямо следует из текста ст. 665 ГК РФ). Между терминами же «финансовая аренда» и «аренда финансов», напротив, нельзя ставить знак равенства (также как нельзя его ставить, к примеру, между терминами «правовая система» и «система права» и между многими другими подобными терминами). Необходимости именовать договор как «оперативная финансовая аренда» или «финансовая финансовая аренда» в настоящее время не возникает, т.к. соответствующие наименования видов лизинга были исключены из текста Закона о лизинге Федеральным законом от 29 января 2002 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О лизинге»». На доводы о том, что термин «финансовая аренда» не отражает инвестиционный характер лизинговых отношений и их отличия от арендных отношений, можно ответить уже высказанным нами замечанием о том, что гораздо важнее каким содержанием наполняется то или иное понятие, а не каким термином оно обозначается (разумеется, последнее справедливо до тех пор, пока употребление того или иного термина не ведет к излишней многозначности, путанице и т.п.). Здесь уместно отметить, что применение одного и того же термина «наем» в наименованиях договоров аренды (имущественного найма) и найма жилого помещения, а также использование одинаковых терминов для обозначения сторон этих договоров (наниматель и наймодатель), не помешало законодателю урегулировать данные договоры как самостоятельные типы договоров.

Представляется, что применение в российском праве термина «финансовая аренда» как синонима термина «лизинг» с точки зрения терминологии в целом является допустимым (в том числе, с учетом того обстоятельства, что договор финансовой аренды урегулирован в ГК РФ как вид договора аренды). Вместе с тем, считаем, что термин «лизинг» является более удачным, чем термин «финансовая аренда». Его применение (а также применение образованных от него терминов «лизингодатель», «лизингополучатель» и др.) в настоящее время распространено в законодательстве, хозяйственной практике, а также в юридической и экономической литературе (гораздо в большей степени, чем термина «финансовая аренда») и в большинстве случаев позволяет сразу обозначить отношения, о которых идет речь. Термин «лизинг» более удобен для применения и во внешнеэкономической деятельности, поскольку он более универсален с точки зрения международной практики. Считаем, что термин «лизинг» вполне мог бы использоваться самостоятельно, т.е. без синонима (особенно, если бы договор лизинга был признан самостоятельным типом гражданско-правовых договоров). В целом же, полагаем, что в настоящее время имеется необходимость совершенствования понятий, которые обозначаются терминами «лизинг» и производными от него терминами, а не изменения этих терминов как таковых.

Список литературы

- Англо-русский экономический словарь: около 70 000 терминов** / под ред. А. А. Аникина. – М.: Рус. яз., 1981. – 792 с.
- Андрианов С. Н.** Англо-русский юридический словарь: около 50 000 терминов / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. – М.: Руссо, 2003. – 512 с.
- Баскакова М. А.** Толковый юридический словарь: право и бизнес (русско-английский, англо-русский). – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 704 с.
- Газман В.** Кризис законодательства о лизинге // Хозяйство и право. – 2000. - № 4. – С. 99-103.
- Криницкий Е.** Лизинг – надежда автотранспортников // Автомобильный транспорт. – 2001. - № 1. – С. 15-18.

Лелецкий Д. Диалог юристов // Эж-Юрист. – 2003. - № 44.

Лизинг: экономические, правовые и организационные основы: Учеб. пособие для вузов / М. В. Карп и др. / Под ред. А. М. Тавасиева, проф. Н. М. Коршунова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 320 с.

Новый англо-русский словарь: около 160 000 слов и словосочетаний / В. К. Мюллер и др. – 8-е изд. – М.: Издательство «Русский язык», 2001. – 880 с.

Санисалова Н. А. Гражданско-правовые отношения субъектов договора лизинга: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2005. – 201 с.

Харитонов Ю. С. Договор лизинга. – М.: Юрайт-М, 2002. – 224 с.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР В ПЕРИОД «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» 1937-1938 ГГ.: КРАТКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Степанов М. Г.

ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Статья рекомендована к публикации

д. и. н., проф. Тугужековой В. Н. и к. и. н., доц. Данькиной Н. А.

В статье рассмотрены основные подходы в оценке итогов и последствий политических репрессий в вооруженных силах СССР в период «большого террора» (1937-1938 гг.) в современной российской историографии. Проанализированы основные исследования по проблеме, проведенные на региональном уровне.

Отдельной темой в отечественной историографии стоит проблема репрессий в вооруженных силах в 1937-1938 гг.

Задача, поставленная автором в данной статье, имеет два аспекта:

1) установить состояние научной разработки и степень изученности последствий политических репрессий (1937-1938 гг.) в Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее РККА) и Рабоче-крестьянском Красном Флоте (далее РККФ) в рамках всего государства;

2) проанализировать особенности реализации репрессивной политики в вооруженных силах времени «большого террора» на примере региональных исторических исследований.

«Репрессивная политика» в данной публикации рассматривается как элемент политического действия, как вспомогательный способ побуждения общества к определенному унифицированному поведению. Политические репрессии проявляются в многообразных формах и методах преследования общественных элементов – аресты и осуждения по «контрреволюционным преступлениям», массовые этнические депортации, высылка на спецпоселение, насильственное принуждение граждан со стороны властей к выполнению определенной профессиональной деятельности, как в системе сельского хозяйства, так и в промышленности.

Проблема анализа последствий репрессий в РККА и РККФ и выяснение количества арестованных военнослужащих в 1937-1938 гг. в рамках всего государства получила широкое освещение в современной отечественной историографии. В анализе последствий репрессий в вооруженных силах в отечественной историографии условно можно выделить три основных подхода.

Первый подход сводится к тому, что репрессии крайне отрицательно повлияли на боеспособность Красной Армии, что особенно сказалось на начальном этапе Великой Отечественной войны. Одним из первых на данную проблему в отечественной исторической науке обратил внимание Д. М. Проэктор: «Это был удар, который подорвал вооруженные силы страны перед самой войной. Новые, неопытные, малоподготовленные «выдвиженцы» должны были осваивать все сначала... Армия была подорвана физически, интеллектуально, морально, нравственно» [Проэктор 1989: 304]. Похожую позицию занял и Д. А. Волкогонов, писавший о том, что в преддверии войны Сталин и его окружение создали объективные предпосылки для ее крайне тяжелого начала и ведения [Волкогонов 1990: 526]. А.А. Печенкин в этом же контексте отметил факт нарушения преемственности между старой и новой элитой. Сопровождаемые шельмованием кадров, репрессии подорвали авторитет командного состава у красноармейцев, привели к резкому падению порядка и дисциплины [Печенкин 2003: 169]. Анализируя последствия репрессий «большого террора» В. В. Лунеев писал: «... перед Великой Отечественной войной была почти полностью обезглавлена Красная Армия (репрессированы были 4 заместителя наркома обороны, 16 командующих военными округами, 25 их заместителей и помощников, 5 командующих военными флотилиями, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов военных округов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка и другие начальники) [Лунеев 1999: 73]. В.С. Мильбах, подтверждая точку зрения В.В. Лунеева отметил: «В целом вооруженные силы страны в 1937-1938 гг. в результате политических репрессий понесли существенные потери в командно-начальствующем составе, которые в значительной степени коснулись высшего комсостава (командующих войсками округов, командующих армиями, начальников управлений и отделов штабов, начальников военных училищ, командиров и комиссаров дивизий и бригад, профессорско-преподавательского состава военно-учебных заведений). Количество уничтоженного в эти годы «красного генералитета» почти вдвое превосходило потери, в том числе и небоевые - в результате болезней,